

МАТЕОС ЗАРИФЯН

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗБРАННОЕ



Матеос Зарифян родился 4 января 1894 года в пригороде Константинополя Кетик Паша, в обеспеченной семье. Учился в американском пансионате Константинополя, где овладел английским и французским языками. В 1913 году окончил известную семинарию Константинополя Перперян, получив диплом искусствоведа. В городе Адана Зарифян занимается педагогической деятельностью — преподает английский язык и физическое воспитание. По причине болезни возвращается в 1914 году в Константинополь. В начале первой мировой войны Зарифяна призывают в армию — он служит в военном училище. За уклонение от службы в действующей армии его лишают воинского чина и приговаривают к каторжным работам, затем он попадает в военный госпиталь, где работает санитаром. В 1918 году Зарифян служил в английской армии переводчиком, принимает участие в оказании помощи жертвам войны. После войны Зарифян возвращается в Константинополь, где преподает в семинарии Перперян (1919—1922). В связи с усилившейся болезнью (туберкулез) его перевозят на остров Принкипо Мраморного моря, где он и умирает 9 апреля 1924 года.

Зарифян издал при жизни два сборника стихов. В 1921 году вышли в свет «Песни печали и покоя», через год — «Песни жизни и смерти». Писал и стихотворения в прозе.

Основные издания на армянском языке: Песни печали и покоя,

Константинополь, 1921; Песни жизни и смерти, Константинополь,

1922; Поли. собр. соч., Бейрут, 1956;

ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ПЕЧАЛИ И ПОКОИ

НОВАЯ ЛАЧУГА

Как светозарна, как она светла, лачуга эта,
и как чиста — точь-в-точь душа девичья,
и горемычна — как моя душа,
и как привольно заживут под этой кровлей
мои печали!

Когда ж больное небо свои стихи зарядит —
за каплей капля,
дождинка за дождинкой, —
я с легкостью уткнусь лицом в ладони
и с легкостью расплачусь...
Когда мы плачем у себя под мирной кровлей,
из наших глаз текут отнюдь не слезы,
а розы темные души,
вот отчего нам и дано,
когда больное небо свои стихи зарядит,
улыбаться,
да, улыбаться боли,
пронизывающей эту жизнь.

И до чего же зелены луга!

И до чего же упоенно щебечут птицы!

И странно ли, что с тех вершин языческих

Ежевечернее, космы растрепав,

слетает ветерок

петь в том соседнем, том колдовском лесу?

Когда ж больное небо свои стихи зарядит,

как я упьюсь, как я упьюсь
в моей печальной, в моей лачуге мирной
гашишем темных красок,
о, как я размечаюсь,
в беспамятстве прикрыв глаза, —
когда больное небо свои стихи зарядит...

ПОЦЕЛУЙ

Я снова пришел к себе,
в свой нищий дом, через порог которого
один переступаю что ни вечер,
один — да разве что еще печаль.
Вот комнатуха жалкая моя,
Тоскою полная, как брошенная вещь,
вот колченогий стол, вот пыль,
а над столом
потрепанный и обветшалый
Толстой — задумчив, бос,
а чуть подальше г—зеркало,
и для меня в каморке
нет ничего дороже, чем оно.
И еженощно с колеблемой свечой в руке
я застываю перед ним, вперяя взгляд
в улыбку губ и непроглядность глаз,
а после молча установлю свечу
и в полумраке потянусь губами
к губам, что в зеркале,

холодным и надменным, —
и чудится, целую собственную душу.
Я этот поцелуй
ни на какой иной не променяю.

СОН ПРОПОЙЦЫ

Мне снилось нынче ясного ясней—
я под утесом, у подножья склона
рассказываю жарко, исступленно
о том, как мне жилось в разлуке с ней:
«На сон грядущий я читал псалмы,
и всё же чаще — не взыщи, сестрица, —
от горестей своих устав, забыться
я поспешал в кабак с приходом тьмы.
Ты не видала глаз моих в чаду, .
когда я пьян и в них пылает пламя,
когда поизмываться над мечтами
и над любовью я в поля бреду.
Тебе не доводилось быть со мной,
когда я пьян, когда я как в тумане,
бессвязно непотребности горланя,
бреду к постели, посланной луной.
Моей души ты не знавала, нет,
когда я пьян, — она в шипах и ранах.
Молю тебя: «Я ненавижу пьяных!» —
не торопись промолвить мне в ответ.
Люби пропойцу, как ни тяжело,

люби его, сестра, за то, что, миром
покинутый, столь безнадежно сир он,
за огонь в груди и чистое чело...»
Так говорил я. Речь была длинна
и сбивчива. Открыл глаза и понял,
что я лежу средь поля, а над полем
плывет в зените полная луна.

АХ, КАК РАНО

Ветер болен. От его лобзанья
листья на деревьях пожелтели.
Рано, ах, как рано пожелтели!
— Пламя не избегнет угасанья.
Горе немо. От его лобзанья
грезы и надежды пожелтели.
Рано, ах, как рано пожелтели!
— Сердце не избегнет угасанья.

НАСМЕШКА

Боль всё злее, и некуда деться,
а глаза расцветают светло,—
май приходит в застывшее сердце,
озаряется солнцем чело.
Я упьюсь этим пиршеством мая,
чтобы всласть посмеяться над Той,
кто, великую боль унимая,

нас укроет могильной плитой.

СМЕХ

Точно ночь непроглядна, тоска так и душит меня,

больше не вмоготу мне на этом дышать берегу;

одиночество мало-помалу становится гробом,

больше не вмоготу...

Ледяные и жесткие пальцы старухи Хандры

сколько дней уже тощую шею мою оплетают;

так и чудится,

будто безмолвье каморки моей

точно призрак

попирает свинцовой пятою мне грудь.

Больше не вмоготу...

Кто он, злой этот дух,

приводящий меня в содроганье?

На плечах у него развевается пурпурный плащ,

а в руке — зелья глупости желтый стакан.

Кто он, злой этот дух?

Губы пересыхают,

больше не вмоготу...

До чего же багровый сегодня закат —

цвета крови закат, цвета смеха.

Ах, как славно, как славно!

Смех душой моей завладевает:

изволь, я — могу.

Я — могу!

Дай-ка выпью

твой желтый стакан!

Да накинь мне на плечи свой пурпурный плащ...

СОСТРАДАНИЕ

Мне говорит девчонка, что она

в меня давно и страстно влюблена.

Девчонка влюблена в меня, как странно...

Едва ли доводилось ей хоть раз

глядеться в ночь моих угасших глаз.

Девчонка даст мне счастье без обмана...

Не привелось, я полагаю, ей

увидеть донный мрак души моей.

Девчонка влюблена. Нет, не видала...

Когда б она слыхала, что пропасть

обречена во мраке этом страсть,

ужели б со слезами совладала?

Вот я и говорю: «Ступай усни.

Мир остужает души искони» —

и, словно старший брат, треплю ей челку.

Иду к себе и плачу втихомолку.

НО ВЕДЬ Я ГОВОРИЛ

На лугу этим вечером ранним

я сказал ей о том, что любовь —

роза, тронутая увяданьем,

и душевным своим состраданием

к жизни я не верну ее вновь.

На лугу этим вечером ранним

я сказал ей о том, что любовь —

лебедь раненый с пухом багряным

и своим жизнетворным старанием

силы я не придам ему вновь.

На лугу этим вечером ранним

я сказал ей о том, что любовь —

луч, померкший на небе туманном#

и ни страстной мечтой, ни обманом

я уже не зажгу его вновь.

Ночь пришла, и долина заснула.

Было всё и навек решено.

И она вдруг лицо отвернула

и, слезами давясь, попрекнула:

«Я больна, а тебе всё равно».

Но ведь я говорил, как умею,

ранним вечером, там, на лугу:

«Если холод нагрянет, лютея,

то, с душою угасшей моею,

отогреть я тебя не смогу».

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР

Еще переливы

свирели тоскливы

и слышны вдали...

Еще не взошли
над миром остыло
ночные светила...
Пустынно, темно,
и знаю одно:
душе не согреться...
А сирое сердце
поверить кому,
увы, не пойму...
Еще переливы
свирели тоскливы
и слышны вдали...

НА ХОЛМЕ

Любимая, приди!
Ненастно нынче ночью,
и тишины не жди.
Пусть грозы впереди,
Увидеть бездны ,
какие бездны молча
лежат в твоей груди.
Любимая, приди!
Ненастно нынче ночью.
Вселенной посреди
мы — грусти средоточье.
Ненастно нынче ночью,
а что же впереди?

В моей душе, гляди,
смерть рыщет нынче ночью.

Мы — грусти средоточье
вселенной посреди.

Любимая, приди!

326. ЛЮБОВЬ

Темная даль без конца и без краю.

Это — любовь? Я не знаю, не знаю!

Ах, но оттуда,

издалека

песня взмывает

под облака...

Реки как бездны и дымка сквозная.

Это — любовь? Я не знаю, не знаю...

ЗАКАТ

Вновь угасают краски, ясно

и чисто на небе пылая.

О, если б точно так угасла

и ты, моя душа больная!

Нет в этом зареве ни смуты,

ни страха — лишь покой и сила.

О, дай мне бог хоть две минуты

прожить так гордо и красиво.

И пусть приходит смерть, как скорый

благословенный звездный вечер.

Прекрасна смерть, приход которой

рождением звезды отмечен.

РЕШЕНИЕ

Не дать себе посетовать, вздохнуть,
ступив на безысходный этот путь,
и, что бы ни случилось пережить,
глаза от слез навеки осушить,
не звать другого — пусть не хватит сил, —
дабы он этот пламень загасил,
недвижно, молча, идолу под стать,
взгляд ночью к побережью устремлять,
куда из сердца моего, лучась,
упало столько звезд в недобрый час
и где, ее в измене не виня,
моя душа покинула меня.

А после — улыбаться и брести
вперед по безысходному пути.

ИЗ КНИГИ «ПЕСНИ ЖИЗНИ И СМЕРТИ»

В МИНУТУ ТОСКИ

Вдали всё слышней и слышней
печальная песня девичья,
созвучная боли моей.

.. А день или ночь — без различья.

Доколе проплачет, доколь
недужная песня девичья?

Тот стар, этот молод, но боль
не ищет меж ними различья.
Всё плачет кому-то вослед
предсмертная песня девичья.
Люблю я тебя или нет?
Увы, я не вижу различья.

ЮНОЙ ПРЕЛЕСТНОЙ ДЕВУШКЕ

Девушка прелестная и юная,
чья мечты чисты,
твой венок из роз достоин, думаю,
разве что звезды.
Не тянись для поцелуя счастливо
и глаза не прячь —
свет очей моих тоскою застило,
я давно незряч.
Что я принесу тебе? Отчаянье
горького пути.
Ты любовь свою необычайную
к звездам обрати.
Девушка прелестная и юная,
в суете не сгинь.
Твой венок из роз достоин, думаю,
разве что богинь.

ЗАБЛУЖДЕНИЕ

«Пойдем, — звала, — бродить по тем полянам,
на мрачный холм к цветам благоуханным
и обомрем, пьянея в полутьме,
среди цветов на мрачном том холме».

«Нет, — я сказал, и спазмы сердце сжали. —

Ты не боишься мрачной этой дали?

Я слышал песню Смерти, смертный зов
на мрачном том холме среди цветов».

Пошла, не вняв, бродить по тем полянам,
на мрачный холм к цветам благоуханным,
и плач ее еще звучит во тьме
среди цветов на мрачном том холме.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ

Моя душа — ночь зимняя, и слепо
оттуда всё еще глядятся в небо
до утренней зари
больные фонари.

Но замечает снег тропу надежды,
и стынет всё, что душу грело прежде.

И черный пилигрим
грядет, неотвратим.

МОЯ ДУША

Моя душа — серебряный ручей,

он землю плачем и журчаньем полнит,
и молится в безмолвии ночей,
и ничего не ждет, и зла не помнит.
Нет на моем пути пустынном ив —
вихрь погубил их тупо и незряче, —
лишь ворон каркнет, взгляд в меня вперив,
но я теку себе, журча и плача.
Я знаю, что настанет день, и вот
она придет из леса, одинока,
чтобы, склонясь у этих чистых вод,
счесть жемчуга мои — а их так много...

ЕЛИ

Я по лесу брожу и брожу в забытьи.
Сколько елей вокруг! Как поют эти ели!
Я не грежу? Откуда же слезы мои?
Но вершины до неба близки в самом деле..
Как поют эти ели...
Сколько елей! И как эти ели темны!
Неужели им, словно и мне, бесприютно:
вдруг появится Та из лесной глубины,
что приходит лишь раз? Но дорога безлюдна.
О, как ели темны...
Как молитвенно ели глядят в облака!
Как простерты их руки свидетельством боли!
Гляну в душу себе: как судьба жестока —

там руины, там горлицы гибнут в юдоли.
Ночь кромешна. И сердце снедает тоска.
Как молитвенно ели глядят в облака...

ЛЮБОВЬ И ДУША

О любовь моя, ты —
океан неоглядный,
где душа днем и ночью
ловит жемчуг глубин.
О душа моя, ты —
небосвод неоглядный,
где любовь днем и ночью
сеет пригоршни звезд.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Молча по бездорожью
под луною бреду.
Розы старые с дрожью
ждут и чуют беду.
Лунный свет отовсюду
проникает в глаза.
Отчего мне так худо,
что не плакать нельзя?
Молча по бездорожью
под луною бреду,
и мечты мои с дрожью

ждут и чуют беду.

ОПАСЕНИЕ

Взгляни, луна себе поныне
возлюбленного не нашла
и мается в своей пустыне
небесной в чаянье тепла.
Взгляни, и ветер не находит
подруги, мучимый тоской,
и одиноко колобродит
по-над землею день-деньской.
Они, горя и старея,
во все глаза глядят на нас.
Бежим, любимая, скорее
от этих завидующих глаз.

ВЕТКА МИМОЗЫ

1

Нежную ветку мимозы вчерашнею ночью
крадучись, молча
мне положила она на подушку и прочь
канула в ночь.

2

Ночью мне снилось: я в зарослях горной мимозы
плакал и слезы
неодолимым предчувствием будущих бед

застили свет.

С неба звезда на меня, неприметная глазу,

пала, и сразу

заполыхали мимозы одна за одной

передо мной.

Звезды запели, и вот донеслась с небосвода

звездная ода,

и змеегибкий огонь перед взором моим

был голубым.

II, опьяненный его необузданной властью,

с негой и страстью

обнял мимозу я, обнял, и льнули ко мне

ветви в огне.

З

Обнял ее — засмеялась знакомо до дрожи.

Господи боже!

Это любимая в жарких сполохах огня

подле меня!

Это она, от любви и желанья хмельная, —

я ль не узнаю?! —

вдруг засмеялась, и звезды светились во рту

сквозь черноту

странно и призрачно, как из нездешнего мира,

и, словно лира,

юное тело ее трепетало тепло,

звало, влекло.

Но отчего-то, едва лишь его я, пьянея,

обнял сильнее,

пепел багровый нежданно-негаданно лег
около ног.

4

Нынче любимая явится в домике этом
с новым букетом.

Ах, не проступят ли вдруг у нее на руках
пепел и прах?

ИЗ ДРУГИХ СТИХОТВОРЕНИЙ

ГОРЫ МОЕЙ МЕЧТЫ

Душу свою распахнув, нынче я к вам иду,
горы моей мечты, новой моей мечты,
душу свою открыв всему прекрасному в мире,
горы моей мечты, нынче я к вам иду.
О, посмотрите, сколько сокровищ с собой несу я:
в глазах у меня покой глубокий звездного неба,
грусть у меня на лице —
печать молчаливых невзгод,
гордый холодный лоб избороздило морщинами
вожделенное таинство смерти,
губы мои раздвинуты усмешкою неприметной,
способной в минуту горечи стать вселенской иронией, —
вот как я к вам иду.
Бледный, с резкими скулами —
печатью невзгод молчаливых,
с руинами прежней мечты

в душе, непроглядной, как ночь,
но с глубоким покоем звездного неба в глазах —
вот как я к вам иду,
горы моей мечты, новой моей мечты,
душу свою распахнув.
Какое в ней наслаждение,
в этой моей дороге!
Взбираясь по этим кручам, дышу я легко и вольно
и, чудится, растворяюсь и таю в лучах заката,
равно и светлых, и темных.
Я весь — воплощенный дух,
я весь — мелодия лада,
стремящаяся от земли
всё выше и выше, к звездам...
О, как сейчас далеки, как чужды мне и как низки
земля и трепеты мира!
Внизу неумолчный гвалт, сюда же не долетает
ни звука, ни шепотка —
настолько я высоко.
И всё же насколько выше
розовый снег вершины твоей, высота мечты,
новой моей мечты!..

УСТАЛОСТЬ

Опять тоска
и чудится, что жизнь проходит втуне,
а как сладка
была в вечерних грезах накануне!

Какой покой!

Спят те, к кому тянусь душою ныне.

Как лук, дугой

связала их между собой гордыня.

Я улыбнусь:

никто моих иллюзий не приветил.

И снова грусть —

во тьме гнет дерева осенний ветер.

Мечты, мечты —

они мне вместо друга и подруги.

Из темноты

стремятся мотыльки на свет лачуги,

343. ШОПЕН

Вдалеке играют Шопена,

и пихты подле моего дома

обнимаются,

как безрассудные,

как утратившие надежду влюбленные.

Вздыбленное волнами море

напоминает

исполинское кладбище,

а неисчислимы его валы —

несчетное множество белых могил,

О, как они устрашающи

в закатных огнях,

эти надвигающиеся на берег

могилы!

Вдалеке играют Шопена.

Сколько у тебя сокровищ, Господи,
даже для того,
кто — в лице ни кровинки —
стоит на пороге смерти!
Но жизнь!..
Вдалеке играют Шопена.
Пахнуло ладаном.
Это мама.
И то сказать —
таким вечером
надобно подумать
и об усопших...
Вдалеке играют Шопена.
Бедная старая мама!
Вечерами, когда море штормит
и волны иступленно набегают на берег,
вечерами, когда пихты похожи
на молящих о любви юнцов,
она ищет,
возжигая ладан,
душу почившего сына.
Ему было двадцать,
гордому и красивому,
как утес, —
поутру, когда розы распускаются,
он увял...
Вдалеке играют Шопена.
У окна, вдоль кромки прибоя,

проходит девушка с мечтою в глазах —

о, жизнь! —

схожая в закатных лучах

с цветущим миндалем;

она глядит на меня, и ей грустно.

Отчего?

Ушла...

Пихты перешептываются,

как нежные любовники...

Она и впрямь —

точно цветущий миндаль.

Вдалеке играют Шопена.